

Глава 4. Ненастная «Арабская осень»: Йемен в 2014–2015 гг.

1. Арабская весна в Йемене: от революции к революции (2011–2014 гг.)

23 ноября 2011 г. в Эр-Рияде был подписан план по урегулированию порожденного Арабской весной йеменского кризиса. Этим завершился 33-летний период правления Али Абдаллы Салеха. Будучи выходцем из зейдитского племени санхан¹, этот политик в 16 лет начал военную карьеру, был героем знаменитой 70-дневной осады Саны 1967 г.², а уже в 1978 г., после убийства четвертого президента Йемена Ахмеда Хусейна ал-Гашми, занял высший пост в стране.

Пожалуй, решающую роль в том, что Али Салеху в конце концов пришлось покинуть свой пост, сыграл накопившийся клубок противоречий внутри племенной конфедерации Хашид. Именно вышедший наружу уже в начальном периоде Арабской весны в Йемене внутриплеменной конфликт, во-первых, обнажил уязвимость правящего режима, а во-вторых, вновь актуализировал те важнейшие проблемы йеменской политики, на которые прежняя власть старалась закрывать глаза, оставляя их неразрешенными [см.: Исаев 2012a]. Речь идет прежде всего о конфликте в северной провинции Саада, который с 2004 г. приобретал все большие масштабы, а также о проблеме юга, которая встала практически сразу после объединения Йеменской Арабской Республики и Народно-Демократической Республики Йемен в 1990 г. Но объединение оказалось непрочным. Уже в 1994 г. вновь вспыхнула гражданская война и юг был фактически завоеван севером Йемена. Таким образом,

¹ Зейдиты – сторонники самостоятельного направления в шиизме, распространенного на большей части северной йеменской территории. Санхан – йеменское племя, входящее в состав племенной конфедерации Хашид, в основном концентрирующееся вокруг одноименного города в провинции Сана.

² Осада Саны стала одним из кульминационных моментов гражданской войны 1962–1970 гг. в Северном Йемене между республиканцами и монархистами. 27 ноября 1967 г. войска монархистов под командованием принца Мухаммеда бин Хусейна полностью окружили йеменскую столицу, осада которой была снята лишь 8 февраля 1968 г.

единство страны никогда не было достаточно общепризнанным. Было много недовольных и в одном, и в другом регионе. Кроме того, каждая часть страны (и юг, и север) крайне неоднородна. В частности, север также можно разделить на «северный север» (с центром в Сане – с более ярко выраженным племенным устройством и более сильный в военном отношении) и «южный север» (с центрами в Таизе и Иббе) – более развитый в социально-экономическом отношении. Все это оставляло нерешенной проблему создания устраивающего основное население государственного устройства страны, которое бы обеспечило ее территориальную целостность. В связи с этим с 2011 г. стали обсуждаться возможности федеративного устройства Йемена, но такой подход был чреват проблемами дезинтеграции.

Однако достичь консенсуса по этим ключевым вопросам не удалось и переходному правительству в лице Всеобщего национального диалога, который пришел на смену Али Абдалле Салеху. Невозможность принятия новой конституции страны и сформировавшийся политический вакуум предопределили провал инициативы «аравийской шестерки» и, как следствие, вызвали сентябрьскую революцию 2014 г., поддержанную движением «Ансар Аллах» и направленную против переходных властей в лице Мансура Хади. С этого момента инициатива по дальнейшему ведению всеобщего национального диалога постепенно уходила из рук Хади, а также поддерживающего его Эр-Рияда. Последний старался держать под собственным контролем йеменский кризис с самого его зарождения в 2011 г. Необходимость в этом в свою очередь и предопределила проведение в 2015 г. операции «Буря решимости» со стороны стран коалиции во главе с Саудовской Аравией с целью сохранения контроля над внутривнутриполитической ситуацией в Йеменской Республике.

Таким образом, начавшаяся в 2011 г. Арабская весна в Йемене, как и в других странах, никак не оправдала возникших под ее влиянием ожиданий. Напротив, весенние настроения в обществе сменились осенними, а мирная жизнь в стране (путь и под властью авторитарного правителя) теперь обернулась гражданской войной и интервенцией. Причем конец конфликта пока не виден.

На периферии Арабского Востока

Режим Салеха казался незыблемым долгие годы: в 1978 г. его основатель подавляющим большинством голосов членов Временного

президентского совета был избран на должность президента Йеменской Арабской Республики. В 1990 г., после объединения Северного и Южного Йемена, ему не было альтернативы во время избрания председателя Президентского совета Йемена, а в 1994 г., не встретив серьезной конкуренции, он стал президентом Йеменской Республики, занимая этот пост до 23 ноября 2011 г. Более того, на сегодняшний день в Йемене пока никому не удается заполнить тот политический вакуум, который образовался после ухода президента Салеха. Однако феномен Арабской весны заключался именно в том, что социально-политические потрясения с легкостью сокрушали самые, казалось бы, крепкие и долговечные режимы.

Утверждение Салеха у государственного руля прошло в свое время три стадии: сначала он завоевал расположение армии, затем подтянул в столицу «своих» людей из провинций и наконец закрепил властные позиции за своими родственниками. Но сосредоточение властных полномочий и финансовых ресурсов в руках одной семьи привело к внутриэлитному (включая внутриплеменной) расколу, переходу в оппозицию сил, контролируемых группировкой ал-Ахмаров, серьезному недовольству лидеров племенного союза Хашид, которые вместе с частью армейского руководства отошли от президента. Активными противниками режима стали различные силы юга, а также часть светской интеллигенции (см. ниже). Неслучайно антиправительственные выступления в Йемене распространялись именно с юга: первыми очагами сопротивления стали южные города, прежде всего Таиз, давно укрепивший за собой репутацию оплота либеральных идей, и Аден. В итоге горячего материала набралось более чем достаточно.

Первые антиправительственные выступления в Йемене начались еще в январе 2011 г., вскоре после победы революции в Тунисе, но на первых порах они были довольно слабыми³. Однако после новости об отставке египетского президента Хосни Мубарака, состоявшейся 11 февраля 2011 г., интенсивность протестов значительно усилилась. Безусловно, немаловажную роль здесь сыграл так называемый «эффект “Ал-Джазиры”»: египетская революция транслировалась на весь Арабский мир красочно и захватывающе, повсеместно воодушевляя массы. «Счастливым концом египетской

³ См. Хронику событий в Приложении 2.

сказки» дал новый, необычайно сильный толчок подъему антиправительственных сил во всех арабских странах. Причем теперь риторика большинства протестующих стала скорее политической, нежели социальной: арабы настолько привыкли к перманентному авторитаризму собственных правителей, что уход одного за другим двух бессменных выборных диктаторов потряс многих из них [Исаев 2012a].

В политическом плане Йемен вполне вписывался в общеарабскую картину. Али Абдалла Салех, находясь у власти 33 года, стал вторым после Муаммара Каддафи арабским руководителем⁴ по длительности пребывания на высшем государственном посту. После окончания гражданской войны 1994 г. Салех предпринял ряд мер, предусматривавших расширение президентских полномочий и продление своего нахождения у власти. Так, в 1994 г. был упразднен Президентский совет. В том же году президент был переизбран на пятилетний срок, а в августе 2000 г. он предложил поправки к Конституции (они были вынесены на референдум 24 февраля 2001 г.), продлявшие президентский мандат до семи лет и позволявшие президенту назначать парламентские выборы, распустив прежний парламент. При этом народный референдум по поводу роспуска не предполагался, а президент получал право издавать декреты, обладающие силой закона, в тот период, пока парламент не заседает или распущен (Сапронова 2003). Таким образом, на выборах 1999 и 2006 гг. Салех избирался уже на семилетний срок. Более того, на рубеже 2010 и 2011 гг. на рассмотрение парламента страны поступила поправка, отменявшая ограничение на число президентских сроков. Впрочем, ввиду прихода Арабской весны она так и не была принята: 2 февраля 2011 г., после второго обращения Хосни Мубарака к египетскому народу, Салех заморозил рассмотрение в Палате представителей конституционной поправки.

Семейные дела, борьба кланов и рост оппозиции

После того, как в первой половине февраля 2011 г. волнения вспыхнули с новой силой, Салех предпринял несколько попыток снизить напряженность в обществе. Однако к тому моменту уже

⁴ Отметим, что М. ал-Каддафи, в отличие от Салеха или Мубарака, формально не был президентом Ливийской Джамахирии, а руководил страной с не прописанным ни в каком законе титулом «Лидер Ливийской революции».

проявился давний конфликт между двумя группировками йеменской элиты – кланом Салеха и кланом ал-Ахмаров, контролирувавшим многие важные высокобоевые формирования йеменских вооруженных сил. Подобно тому как египетская военная элита воспользовалась народными выступлениями для сведения счетов со своим главным противником – группировкой экономической элиты во главе с Гамалем Мубараком (см. *Главу 1*), группировка ал-Ахмаров решила воспользоваться народными выступлениями в Йемене, чтобы попробовать разгромить своего главного противника – клан Салехов. С этой целью под аплодисменты легковверного международного сообщества группировка ал-Ахмаров позиционировала себя в качестве защитников «народных борцов за демократию» от репрессий «деспотической диктатуры» Али Абдаллы Салеха. 26 февраля 2011 г. сразу несколько лидеров двух крупнейших йеменских племен, хашид и бакиль, группировавшихся вокруг клана ал-Ахмаров, заявили о переходе на сторону оппозиции [Влиятельные йеменские... 2011]. В марте один из лидеров племенного союза Хашид Али Мохсен ал-Ахмар, командующий северным военным округом и первой бронетанковой дивизией (одной из самых боеспособных в стране), заявил о своем выходе из Всеобщего народного конгресса – правящей партии, кандидатом от которой в свое время был президент Салех. Вслед за генералом Али Мохсеном ал-Ахмаром о переходе на сторону оппозиции объявили еще три генерала и десятки офицеров. Войска мятежников прибыли в Сану якобы «для защиты манифестантов», разместившись на центральной площади, а также у зданий Центрального банка, министерства обороны и президентского дворца [см.: Исаев 2012а; Исаев, Шишкина 2012б].

Несколько представителей Всеобщего народного конгресса Йемена, включая членов парламента и министров, также вышли из партии, позиционируя это как «протест против насилия властей в отношении демонстрантов». Среди прочих о выходе из правящей партии заявили глава парламентского комитета по внешней политике и советник премьер-министра Мухаммед ал-Кубати, министр туризма Набиль Хасан ал-Факих, глава государственного информационного агентства Наср Таха Мустафа, постоянный представитель Йемена при Лиге арабских государств Абд ал-Малик Мансур.

С другой стороны, подогреваемое ал-Ахмарами народное недовольство встретило энергичную поддержку со стороны университетских преподавателей, в особенности тех из них, кто бывал за границей. Свыше 90 % профессоров – за исключением руководства университетов и деканов, которые назначаются декретом министра высшего образования Йемена, – отказались от своих должностей в знак солидарности с оппозицией. Вдобавок к этому начиная с 15 февраля 2011 г. перед зданием министерства юстиции начали собираться судьи, требующие независимости судебной власти.

В свою очередь 21 марта 2011 г. президент Салех, не сомневаясь в поддержке большинства населения, заявил о необходимости использования армии для умиротворения страны. За этим демаршем последовало обращение министра обороны Йемена генерал-майора Мухаммеда Насера Ахмеда Али к народу, транслируемое телеканалом «Ал-Джазира». Глава оборонного ведомства пообещал предоставить президенту защиту от любой попытки антидемократического переворота, заявив, что «вооруженные силы останутся верны присяге, данной Богу, народу и политическому руководству во главе с президентом» [Министр обороны Йемена... 2011]. Следует, однако, иметь в виду, что в силу местной специфики министр обороны в Йемене, по сути, является номинальной фигурой, занимающейся в основном хозяйственными вопросами. Реальный контроль над армией сосредоточен в руках командующих военными округами, в первую очередь северным и западным. (При этом первый из них находился в подчинении Али Мохсена ал-Ахмара, объявившего в силу вышеназванных причин о своем переходе на сторону оппозиции.) На стороне Салеха остались командующие военно-воздушными силами, президентской гвардией и службой безопасности страны, являвшиеся ближайшими родственниками президента.

Конфликт между двумя влиятельнейшими семействами Йемена – Салех и ал-Ахмар – имел давние корни. С конца 1970-х гг. шейх Абдалла бин Хуссейн бин Насер ал-Ахмар оказывал Салеху серьезную помощь, обеспечивая поддержку со стороны влиятельнейшего племенного союза Хашид, который он тогда возглавлял. Эта поддержка продолжилась и после гражданской войны 1994 г.: партия «Ал-Ислах», несмотря на свою реформаторскую направленность, всегда негласно содействовала режиму, а Хамид ал-Ахмар, один из сыновей шейха Абдаллы, стал спикером Палаты

представителей и ближайшим советником президента. Более того, семейство ал-Ахмар получало серьезные экономические преференции в южных регионах страны, в том числе в области коммуникаций и недвижимости, а также долю от продажи йеменской нефти и газа.

Ситуация в корне изменилась после кончины шейха Абдаллы в 2007 г. Салех более не чувствовал себя обязанным делиться с его сыновьями и явно давал понять, что не намерен продолжать ту щедрую политику в отношении семейства ал-Ахмар, которая осуществлялась прежде. В соответствии с негласной договоренностью между покойным шейхом и президентом в случае ухода Салеха его преемником должен был стать Али Мохсен ал-Ахмар, еще один сын шейха. Однако сам Салех стремился передать власть своему старшему сыну Ахмеду, командующему президентской гвардией, что вызывало явное раздражение представителей племени хашид и позже стало главной причиной отдаления племенной верхушки от главы государства [Рябов 2011]. При этом борьба за власть в рамках зейдитской общины Йемена усугублялась и экономическими предпосылками. После смерти шейха Абдаллы финансовые амбиции семей Салеха и ал-Ахмаров (прежде всего Хамида ал-Ахмара, крупнейшего бизнесмена Йемена) стали конкурировать друг с другом. Так, наметилось очевидное столкновение интересов в сфере коммуникационного бизнеса: два крупнейших мобильных оператора страны, MTN и Sabafon, принадлежат Салеху и Хамиду ал-Ахмару соответственно.

Однако против режима Салеха выступили не только представители ущемленных племен северного Йемена. Оппозиция в Йемене, как и в других арабских странах, представляла собой весьма неоднородный конгломерат, составные части которого руководствовались разными идеями и преследовали различные цели. Одним из структурных компонентов оппозиционных сил стала Единая партийная ассамблея Йемена, которая была сформирована в 2005 г. на базе пяти оппозиционных партий с целью продвижения политических и экономических реформ. В нее вошли уже упомянутая партия «Ал-Ислах», Йеменская социалистическая партия, партия «Ал-Хак», Юнионистская партия и партия «Союз народных сил». Юг страны в этом объединении представляла светская Йеменская социалистическая партия, основанная в 1978 г. и ныне возглавляемая

прежними руководителями Южного Йемена, выступавшего сателлитом СССР [см., например: Воробьев 1978]. Прекращение помощи из Москвы заставило социалистов переориентироваться на социал-демократическую доктрину. Нынешняя неудовлетворенность южан во многом обусловлена тем, что после объединения 1990 г. и гражданской войны 1994 г. более развитый юг, по сути, превратился в хозяйственный придаток севера. С 2010 г. в южных областях наблюдалась эскалация недовольства правящим режимом, вылившаяся в консолидацию оппозиционно настроенной элиты в крупных городах. Ситуация осложнялась также функционированием в южных регионах страны подразделений вооруженного сепаратистского движения «Ал-Хирак», преследующего частные интересы руководителей некоторых южных провинций [Bahran 2010: 1]. Кроме того, племенной характер общественного устройства характерен именно для северной части страны, в то время как для большинства обитателей остальной части Йемена (включая Таиз и Ибб) этот строй по большому счету уже давно является чуждым [см., например: Коротаев 1996а; 1996б; 2006в; Korotayev 1996]. Напомним, что антиправительственные выступления в Йемене распространялись именно с юга, которому чужды племенные устои. Именно против племенного устройства и выступали студенты, преподаватели и прочие представители интеллигенции, собиравшиеся на площадях йеменских городов. Неслучайно, собрав в феврале 2011 г. шейхов всех йеменских племен, Али Абдалла Салех заявил о том, что в случае их отказа поддержать существующий режим оппозиция уничтожит племенных лидеров. Обращение президента, однако, напугало не всех: как уже говорилось, Али Мохсен ал-Ахмар, Садик ал-Ахмар и другие лидеры отвергли его и постарались использовать недовольство протестующих в своих целях. Внутриэлитный конфликт был настолько глубоким, что даже наличие общего (но, впрочем, довольно слабого) противника в лице либерально настроенной оппозиции не смогло сплотить шейхов вокруг главы государства.

Волна социально-политических потрясений в Йемене, поднявшаяся под влиянием событий Арабской весны и поначалу повторявшая сценарии народных выступлений в других странах – Тунисе, Египте, Ливии, – не привела к полному упразднению режима, существовавшего более тридцати лет, и радикально не переформма-

тировала в 2011 г. систему управления страной. При этом племенное устройство йеменского общества вкупе с местным менталитетом придали здешним событиям особый и неповторимый колорит.

Подтверждением тому стала сама процедура ухода Али Абдаллы Салеха. Во-первых, добровольное отречение первого президента Йеменской Республики было бы невозможным, если бы протестующих не поддержала племенная верхушка Хашид. Во-вторых, создавалось впечатление, что уход бессменного лидера был лишь маневром, что уйдя де-юре, он останется руководителем де-факто. И действительно, сначала могло показаться, что руководство страной перешло к южанину Абд Раббо Мансуру Хади только номинально⁵. В свое время его прозвали «молчаливым вице-президентом» за поразительное умение никогда не высказывать свою позицию. Первое время казалось, что и президентом он будет абсолютно таким же; по выражению одного журналиста, это «вице-президент, который не решает, как ему у своего дома машину парковать» [Изюмов 2011]. Но на самом деле, скрывая собственное мнение, он старался вести свою игру. Однако это стало понятно только к 2014 г. Но несмотря на стремление стать реальным лидером, за два года исполнения своих обязательств в должности временного главы государства он так и не смог выступить в качестве беспристрастного арбитра, сильной личности в стране, где в силу племенной специфики в столь трудный момент было необходимо сохранить положение «над схваткой», лавируя между различными политическими центрами тяжести подобно тому, как это удавалось делать более тридцати лет Салеху.

Египетская и йеменская модели двойного переворота

Интересно, что само население арабских стран, по сути, и похоронило надежды тех, кто ждал от Арабской весны торжества демократии в регионе. Ведь демократический опыт пришелся явно не по душе очень многим арабам (подробнее об этом феномене см. *Главы 1 и 2*). В свете сказанного показательное угасание протестных настроений в Алжире: это произошло во многом из-за того, что население предпочло стабильный, пусть и авторитарный, режим Абделя

⁵ Отметим, что Хади фактически исполнял функции президента во время лечения Салеха (июнь – сентябрь 2011 г.), затем исполнял эти обязанности после отречения последнего от должности 23 ноября 2011 г. и был избран временным президентом во время досрочных президентских выборов 21 февраля 2012 г.

Азиза Бутефлики возможным переменам, дав зеленый свет четвертому сроку нынешнего президента [подробнее об этом см., например: Исаев 2013а]⁶.

В Египте первые сигналы, свидетельствующие о «кризисе революции», начали поступать уже на следующий год после свержения Хосни Мубарака. Так, нижняя палата парламента, избранная по результатам первых за всю современную историю страны честных выборов, прошедших в отсутствие давления со стороны власти, не успела толком приступить к выполнению своих обязанностей, как была распущена по решению Конституционного суда. Ситуация достигла точки бифуркации 3 июля 2013 г., когда Высший совет вооруженных сил перечеркнул все надежды на то, что Египет пойдет по демократическому пути развития. Избавляясь в 2012 г. от исламистской Народной ассамблеи, Высший совет вооруженных сил все-таки отдал дань политическим приличиям, проведя решение о ее роспуске через Высший совет судей; спустя год, в 2013 г., не понадобилось даже и этого: захотели и разогнали, ссылаясь на волю площади Тахрир [см.: Исаев 2014б]. Подробнее о событиях в Египте см. *Главу 2*.

В июле 2013 г., когда силы, отстраненные от власти в Египте в 2011 г., вновь вернулись к управлению страной, был создан контрреволюционный прецедент, который, исходя из особенностей арабских политических трансформаций времен Арабской весны, мог повториться и в других местах. В ходе последовательного крушения авторитарных режимов (Тунис, Египет, Ливия) арабское общество продемонстрировало приверженность принципу домино. Решаясь выйти с протестными акциями на улицы собственных городов, граждане той или иной страны неизменно оглядывались на то, что происходит у соседей. Примером подобной преемственности в поведенческих моделях в ходе Арабской весны можно считать Йемен. Примером тому может послужить начало 2012 г., когда экс-президент Йемена Али Абдалла Салех уже покинул свой пост [Исаев, Шишкина 2012б], а йеменская оппозиция мотивировала свой отказ покидать улицы тем, что образовавшийся вакуум могут заполнить исламисты, подобно тому как это происходило в тот мо-

⁶ Правда, в Алжире в настоящее время экономическая ситуация ухудшается в связи с падением цен на нефть. А ведь волнения в 1980–1990-х гг. были вызваны именно данным обстоятельством [Гринин 2010а; 2011а; Гринин, Коротав 2012б].

мент в Египте. Подобные опасения были абсолютно обоснованными: с начала 2012 г. власть в Йемене постепенно переходила в руки семейства ал-Ахмаров, представленного сыновьями умершего в 2007 г. лидера племенной конфедерации Хашид Абдаллы ал-Ахмара. При этом действовали они в негласной коалиции с временным президентом Абд Раббо Мансуром Хади, все более выходящим из-под контроля Салеха и стремившимся из формального лидера страны превратиться в реального. Их основными союзниками стали исламистская партия «Ал-Ислах» и йеменские «Братья-мусульмане», поднявшиеся на волне успеха своих идейных вдохновителей в Египте [Vonnefoy 2014]. Но удача сопутствовала коалиции лишь до тех пор, пока «Братья-мусульмане» находились у власти в Египте; свержение Мухаммеда Мурси и последующая межарабская изоляция ассоциации и ее зарубежных ячеек резко подорвали позиции временного йеменского руководства. Однако именно Йемену было суждено стать второй после Египта страной, где протестный потенциал, вышедший на поверхность в ходе Арабской весны, оказался достаточным для осуществления «двойного» переворота. Но если в Египте эта модель выглядела как «революция – контрреволюция», то в Йемене она более похожа на модель двух революций подряд (но при этом, как мы увидим далее, в Йемене под определение революции более подпадает вторая из них). Правда, забегая вперед, следует заметить, что за вторым актом драмы в Йемене наступил третий – полууспешная попытка Мансура Хади свергнуть новую революционную власть хуситов с помощью внешней интервенции (что пока привело к разделу страны по старой границе между Севером и Югом)⁷.

После провала Всеобщего национального диалога (ВНД) в начале 2014 г. основные политические силы в Йемене сосредоточились вокруг двух противоборствующих лагерей – Всеобщего народного конгресса (ВНК) во главе со смещенным в ходе Арабской весны Али Абдаллой Салехом и уже упомянутого клана ал-Ахмаров во главе с Садыком ал-Ахмаром. Уже в 2011 г. эти две силы оказались на противоположных политических полюсах, начав

⁷ Отметим, что третий акт смены власти в Египте не состоялся не потому, что «Братья-мусульмане» не старались свергнуть власть военных и устроить новую революцию, а потому, что у первых не хватило сил «свалить» вторых.

искать союзников среди остальных политических акторов Йемена: вокруг ал-Ахмаров сплотились партия «Ал-Ислах» и «Братья-мусульмане», в то время как Всеобщий народный конгресс вступил в альянс с партией «Баас» [Bonney 2014], «Союзом народных сил», а также начал проводить политику по негласному сближению с движением «Ансар Аллах».

После вступления в должность временного президента Мансура Хади 25 февраля 2012 г. была ликвидирована традиционная для Йемена «нарезка» военных округов, что привело к фактическому исчезновению национальной армии. Кроме того, была распущена Республиканская гвардия, которую возглавлял сын Али Абдаллы Салеха; она превратилась в войска резервного назначения [Серебров 2014: 9]. В общей сложности военные реформы последнего времени привели к тому, что в Йемене вокруг каждой политической силы сложилась своя военизированная группировка. Интересно, что при таком раскладе наиболее боеспособной оказалась армия хуситов, получившая название в честь своего лидера Хусейна Бадр ад-Дина ал-Хуси, убитого в 2004 г. [Yemens Abd-al-Malik... 2014]. В 2014 г. им удалось одержать целый ряд крупных военных побед и заметно расширить свои территории, распространив влияние на территорию практически всего Северного Йемена [Ожерельева 2014: 8].

Единственной силой, способной составить конкуренцию хуситам в военном плане, до «революции 21 сентября» 2014 г. была де-юре расформированная, но де-факто по-прежнему существовавшая Первая бронетанковая дивизия во главе с генералом Али Мохсеном ал-Ахмаром, поднявшимся в должности до советника президента Мансура Хади по военным вопросам. Однако после 21 сентября ал-Ахмары потерпели полное поражение в противостоянии с хуситами, а их лидеры (включая и самого Али Мохсена) были вынуждены бежать из страны [Mawgy 2014].

Особый интерес представлял негласный союз ВНК с хуситами, еще несколько лет назад казавшийся немыслимым. В годы правления прежнего президента крайний север Йемена считался самым небезопасным регионом в стране. Вражда между прежним режимом и хуситами имела давние корни, а сам президент в период своего правления шесть раз воевал против «Ансар Аллах». Однако

в начале 2014 г. эти две политические силы оказались по одну сторону баррикад, выступив серьезным противовесом для действующей власти в лице ал-Ахмаров [Ожерельева 2014: 8].

Фиаско ал-Ахмаров и революция 21 сентября 2014 г.

Во многом ал-Ахмары в Йемене допустили те же ошибки, что и «Братья-мусульмане» в Египте. В первую очередь им так и не удалось предложить пути выхода из сложившегося политического кризиса, которые бы устраивали большинство политических сил страны. Апогеем этого стали результаты Всеобщего национального диалога. Как минимум по четырем из девяти рабочих групп ВНД («по проблеме в Сааде», «по проблеме юга», «по переходной справедливости» и «по государственному устройству») ал-Ахмарам так не удалось достичь консенсуса со своими политическими оппонентами. При этом они существенно ослабили свои позиции, прежде всего в связи с планируемой федерализацией государства. Из всех проектов, рассматривавшихся Всеобщим национальным диалогом, за основу был принят проект, предусматривающий создание шести федеральных округов: Хадрамаут, Аден, Джанат, Тихама, Азал и Саба. При этом сама «нарезка» вызвала бурное неодобрение. Так, южане выступили против разделения юга страны на два округа (Хадрамаут и Аден), настаивая на неделимости Южного Йемена как единого субъекта будущей федерации⁸. Родина хуситов Саада вкуче с провинциями Амран, Сана и Дхамар была включена в состав округа Азал, не имеющего выхода к морю и обладающего низким экономическим потенциалом.

У ал-Ахмаров не случайно не сложились отношения с хуситами. Дело в том, что при активном содействии «Ал-Ислаха» в Йемене была создана салафитская группировка «Ан-Нусра», которая должна была вступить в противостояние с «Ансар Аллах». При этом подобная тактика уже имела место в прошлом, когда во второй половине 2000-х гг. режим использовал салафитских радикалов в интересах своей внутренней политики. Это было связано прежде всего с именем генерала Али Мохсена ал-Ахмара, который непо-

⁸ Тексты резолюций, выступлений и докладов рабочих групп размещены на официальном сайте ВНД: www.ndc.ye.

средственно руководил шестью военными операциями в Сааде с 2004 по 2010 г. и не раз прибегал к услугам салафитов в своей борьбе с хуситами.

Еще одна инициатива ал-Ахмаров настроила против них и ВНК, выступивший категорически против предложения на десять лет запретить выдвижение на президентский пост лицам, ранее занимавшим военные должности [Исаев, Ожерельева 2014]. Очевидно, жертвой данного требования станет прежде всего Ахмед Салех, сын бывшего президента, который до сих пор считается одним из основных претендентов на президентское кресло [Исаев, Шишкина 2012б].

Все это привело к тому, что ал-Ахмары вкупе с «Братьями-мусульманами» умудрились разругаться со всеми ведущими политическими силами в стране. Проблема юга страны, где не прекращались выступления с призывами отделения региона в границах бывшей НДРЙ, так и не была решена. Более того, все более ассоциировавшаяся с исламистами власть в Санае никак не устраивала южан, в памяти которых до сих пор живы воспоминания о 1994 г., когда север, по сути, начал проводить по отношению к югу гегемонистскую политику, которая зиждилась на идеях духовных лидеров «Ал-Ислаха», прежде всего ал-Зиндани и ал-Дайлани, объявивших джихад «безбожникам» с юга⁹.

Наконец, ал-Ахмары пошли на открытый конфликт со Всеобщим народным конгрессом и лично Али Салехом. Подтверждением этому могут служить неоднократные попытки ареста экс-президента со стороны временных властей [Yemenis call... 2013]. Не стоит также забывать, что именно Али Мохсен, возглавлявший в 2011 г. первую бронетанковую дивизию, был главной военной силой, примкнувшей к протестующим в ходе Арабской весны, а наиболее серьезные противостояния осенью 2011 г. в столичном районе Ал-Хасаба наблюдались между силами, лояльными Салеху и ал-Ахмарам.

⁹ В 1994 г. между йеменским правительством в Санае и Йеменской социалистической партией (ЙСП) в Адене, возглавляемой Али Салемом ал-Бидом, произошел вооруженный конфликт, который закончился поражением южан. В ходе гражданской войны религиозные лидеры партии «Ал-Ислах» шейхи ал-Зиндани и ал-Дайлани издали фетвы против жителей юга, оправдывающие массовые нарушения политических и экономических прав со стороны северян, а также отстранение ЙСП от управления государством [см.: Day 2012].

Поэтому складывавшаяся с начала 2012 г. ситуация, при которой власть в Йемене постепенно начала монополизироваться в руках коалиции Мансура Хади, ал-Ахмаров в лице «Ал-Ислаха» и их союзников, представленных «Братьями-мусульманами» и салафитами, поставила их оппонентов по одну сторону баррикад и вынудила пойти на крайние меры. Подлило масла в огонь и все возрастающее в последние годы влияние Али Мохсена, занявшего пост советника президента Мансура Хади по военным вопросам и не скрывавшего своих политических притязаний на пост будущего руководителя страны (одной из главных причин конфликта между Салехом и Али Мохсеном в преддверии Арабской весны считалось желание экс-президента передать власть своему сыну, а не «сводному брату»). Очевидно, что подобные перспективы категорически не устраивали ни хуситов, ни ВНК, ни южан, что и предопределило «революцию 21 сентября» 2014 г., после которой ал-Ахмары были вынуждены покинуть страну, в то время как «Ансар Аллах», проводя политику заключения союзов с йеменскими племенами, а также членами ВНК, по сути, установила контроль над Северным Йеменом.

2. «Арабская осень» в Йемене: от кризиса к полномасштабной революции, гражданской войне и интервенции

Неизвестная революция

Политический кризис оказался куда более глубоким, провал национального диалога под эгидой Мансура Хади проявлялся все отчетливее, и даже нейтрализация одного из наиболее деструктивных элементов йеменского политического истеблишмента – семейства ал-Ахмаров – не смогло остановить процессы, запущенные «революцией 21 сентября». За три года после ухода Али Салеха временным властям, ведомым Мансуром Хади и ал-Ахмарами, не удалось разрешить ни одной проблемы, стоящей на повестке дня в Йемене: проблема федерализации и юга страны, разработка нового проекта конституции, обеспечение справедливого представительства в органах государственной власти всех политических сил, подготовка и проведение выборов в новые органы власти – лишь малая часть вопросов, на которые переходная власть так и не смогла ответить, не говоря уже о целой совокупности нерешенных социально-эконо-

мических и демографических задач, остро стоящих перед страной. Монополизация власти в руках ал-Ахмаров в конечном счете оставила их на обочине йеменской истории. При этом потребность в коренных переменах назрела в йеменском обществе настолько глубоко, что понадобилась тотальная реконструкция временной власти в стране. Конец первому временному правительству был положен через четыре месяца после «сентябрьской революции».

Проделанный нами анализ показал: утверждения хуситов о том, что события 2014 – начала 2015 г. в Йемене являются революцией, представляются совершенно обоснованными с научной точки зрения (и то, что революция осложнилась иностранной интервенцией, а также отказ иностранных держав признавать новое революционное правительство – уже совсем не редкость с исторической точки зрения). А вот йеменские события 2011–2012 гг. имеет смысл считать незаконченной революцией.

Действительно, возьмем одно из самых авторитетных определений революции, принадлежащее известному американскому социологу Дж. Голдстоуну: «*Революция* представляет собой насильственное свержение режима через массовую мобилизацию... во имя социальной справедливости с целью создания новых политических институтов» [Goldstone 2014b: 4].

Рассмотрим теперь, какие из этих событий соответствуют данному определению, а какие – нет. Да, и в 2011, и в 2014 г. участники событий пытались свергнуть правящие режимы во имя социальной справедливости. И в том и в другом случае была налицо массовая мобилизация. Однако не менее важным моментом является и результат революции. Произошло ли насильственное свержение режима? Насколько это относится к событиям 2011–2012 гг.? С одной стороны, если протесты вынудили отойти от власти довольно авторитарного политического лидера, который руководил страной 33 года, не планировал отдавать власть и даже пытался законодательно обеспечить возможность бесконечного переизбрания, это можно рассматривать как насильственную смену режима. Но с другой стороны, все же 23 ноября 2011 г. формально произошла лишь отставка главы режима (при этом его место заняло второе лицо), сам же политический режим на какое-то время остался прежним. При этом продолжил свою работу йеменский парламент, и большинство мест в нем осталось за представителями Всеобщего

народного конгресса, президентом которого остался Али Салех, а пост генерального секретаря был закреплен за Мансуром Хади. Кроме того, после выборов временного президента 21 февраля 2012 г. свои позиции во власти укрепили ал-Ахмары, представленные второй партией в парламенте – «Ал-Ислах», которые и во времена правления Али Салеха были частью политического истеблишмента.

А вот в отношении событий 2014–2015 гг. в Йемене можно уже однозначно говорить, что произошло именно насильственное свержение режима. В результате «революции 21 сентября» сначала полностью были отстранены от власти представители семейства ал-Ахмаров, которые практически сразу покинули страну вместе с премьером Басиндвой. А в январе 2015 г. сентябрьская революция приняла свой окончательный вид: Мансур Хади и Халед Бахah сложили с себя полномочия временного президента и премьер-министра, за этим последовал и роспуск самого правительства. Власть перешла в руки революционных комитетов «Ансар Аллах» вплоть до формирования Президентского совета, состоящего из пяти членов.

Йеменские события 2014–2015 гг. попадают под определение революции и по другому важному критерию. События 2011–2012 гг. не привели к созданию новых политических институтов (необходимость их создания только была провозглашена), в отличие от событий последних месяцев. После ухода Али Салеха в 2011 г. все прежние политические институты продолжили свою работу в полном объеме, что к тому же было зафиксировано в плане ССАГПЗ. В свою очередь, «революция 21 сентября» привела к ликвидации всех прежних институтов власти. В соответствии с объявленной хуситами конституционной декларацией предполагается созыв Учредительного собрания, которое должно будет подготовить проект новой конституции. Исполнительная власть переходит к Президентскому совету, а также временному правительству. Существенные изменения претерпел и законодательный орган. Вместо однопалатного парламента было решено создать двухпалатный – Народный совет, состоящий из вновь создаваемой верхней палаты – Совета Шура и нижней – Палаты представителей, вошедшей в состав нового органа в прежнем составе. Помимо этого создаются революционные комитеты на местах, ко-

торые будут осуществлять властные функции во время переходного периода. Тем самым хуситами был запущен механизм полного реструктурирования политической системы страны. Правда, начавшаяся интервенция и гражданская война не дали возможности осуществить эти планы.

Таким образом, представляется, что события 2011–2012 гг. были незаконченной революцией, зато утверждения о том, что события 2014 – начала 2015 г. в Йемене являются революцией, мы считаем более обоснованными¹⁰.

Интересно отметить, что незавершенная йеменская революция 2011 г. и революция 2014 г. развивались по двум принципиально отличным сценариям. Напомним, что С. Хантингтон предложил различать два основных типа революционной дестабилизации – «центральный коллапс» (*central collapse*) и «наступление с периферии» (*peripheral advance*) (Huntington 1968).¹¹

В 2011 г. социально-политическая дестабилизация в Йемене развивалась по модели центрального коллапса (этот сценарий подробно описан в *Главе 6*).

Описание другого хантингтоновского сценария революционной дестабилизации («наступления с периферии») в изложении Дж. Голдстоуна выглядит следующим образом: «В случае наступления с периферии разложение старого режима изначально¹² находится не на самой продвинутой фазе. Однако группа представителей элиты¹³, стремящихся к свержению правительства, оказывается способной укрепиться в одной из частей страны, обычно в гористой или лесистой местности, удаленной от столицы¹⁴. Эта периферийная база сопротивления может оставаться небольшой и незначительной в течение нескольких лет. Но если режим становится более нестабильным – ослабевая экономически, испытывая

¹⁰ Правда, не исключено, что эта революция в итоге закончится частичной реставрацией режима, сформировавшегося в 2012–2014 гг. (по крайней мере, на южной части территории страны).

¹¹ К этому вопросу мы еще вернемся в *Главе 6*.

¹² В нашем случае начало сценария будет датироваться 2004 г., когда о «разложении» режима Всеобщего народного конгресса было действительно очень сложно говорить.

¹³ В нашем случае это группа под руководством Хусейна Бадр ад-Дина ал-Хуси, которая в июне 2004 г. начала партизанскую войну против правительства Саны на крайнем северо-востоке страны.

¹⁴ В нашем случае это гористая местность Марран на северо-западе Йемена вблизи саудовской границы.

военные неудачи, теряя поддержку среди все новых групп народа и лояльность все новых элит – оппозиционный нуклеус может начать расти и укрепляться по мере роста числа тех, кто его поддерживает, и сокращения числа тех, кто поддерживает существующий режим. Повстанцы зачастую используют тактику партизанской войны, устанавливая контроль над сельской местностью и совершая впечатляющие рейды с целью продемонстрировать слабость правительства... Постепенно силы оппозиции развиваются в самую настоящую армию, способную вести гражданскую войну и даже силой овладеть столицей. Повстанцы могут прибегать и к тактике ненасильственных действий с использованием массовых народных демонстраций, забастовок и бойкотов с целью заставить правительство отказаться от власти. При любом развитии событий ключевая роль может принадлежать иностранным державам. Если иностранные государства или группы помогают вооружать и организовывать оппозицию или если бывшие заграничные союзники отказываются от поддержки правителя, баланс сил может окончательно качнуться в пользу оппозиции. По мере того как баланс власти склоняется все сильнее не в пользу правящего режима, представители правительства начинают все чаще переходить на сторону повстанцев, моральный же дух правительственных войск и их военная эффективность все сильнее падают. Все эти процессы обычно занимают многие годы, иногда даже больше десятилетия¹⁵. Однако в конце концов силы старого режима разваливаются или отступают, революционные силы вступают в столицу и создают новый режим» [Goldstone 2014b: 28–29].

А вот это уже едва ли не дословное описание хуситской революции, которая должна быть охарактеризована именно как революция, произошедшая по модели «наступления с периферии», правда, ее успеху способствовали революционные события 2011 г., развивавшиеся по модели центрального коллапса, уход от власти Салеха и неожиданная комбинация союза со свергнутым президентом против общих врагов ал-Ахмаров.

Разрастание революционных перемен. Очередное обострение ситуации произошло 17 января 2015 г., когда хуситы арестовали по подозрению в попытке фальсификации проекта конституции стра-

¹⁵ Если в йеменском случае началом хуситского повстанческого движения считать 2004 г., то можно сказать, что в Йемене этот процесс занял как раз 10–11 лет.

ны главу президентской администрации Ахмеда бин Мубарака. Важно отметить, что на протяжении последнего времени бин Мубарак был главным куратором основного закона страны, а также сторонником разделения Йемена на шесть субъектов федерации. Попытка Мансура Хади бросить последний вызов движению «Ансар Аллах» в опоре на руководителей силовых ведомств обнажило паралич верховной власти в стране и привело к захвату хуситами президентского дворца и здания Бюро национальной безопасности (БНБ). При этом стремительность, с которой развивалась ситуация, явно свидетельствует о расстановке сил к началу 2015 г.

18 января после не увенчавшихся успехом попыток договориться об освобождении бин Мубарака Мансур Хади созвал экстренное заседание Совета безопасности Йемена, на котором всем силовикам был отдан приказ: вывести войска на улицы Саны 19 января в 5:00 по йеменскому времени. Однако «Ансар Аллах» к вечеру 18 января узнала о планах президента и обратилась к своим сторонникам в армии и службах безопасности не подчиняться приказу Мансура Хади. Хуситы сыграли на опережение и утром 19 января окружили президентский дворец в Санае, а также Бюро национальной безопасности. В течение всего дня продолжались бои, которые завершились к вечеру, когда «Ансар Аллах» удалось взять под контроль территорию президентского дворца и здание БНБ. В результате 20 января начали поступать первые сигналы о достижении договоренностей между президентом Хади и хуситами, которые сводились к нижеследующему. Мансур Хади соглашался на недопущение внесения исправлений в проект конституции, ускорение реализации договоренностей Всеобщего национального диалога, решение вопросов безопасности в провинции Мариб. В свою очередь хуситы обязались отвести свои войска от президентского дворца и освободить бин Мубарака.

Однако спустя два дня хуситы выдвинули Хади дополнительные требования:

- назначить членов «Ансар Аллах» на посты вице-президента, вице-премьера страны, генерального прокурора, в органы Центральной службы по контролю и учету, на руководящие посты в органы судебной власти и госбезопасности;
- предоставить «Ансар Аллах» ряд министерских портфелей;

– принять 50 000 членов «Ансар Аллах» в ряды вооруженных сил Йемена.

Условия, выдвинутые власти со стороны «Ансар Аллах», оказались невыполнимыми, что и предопределило отставку президента Мансура Хади и премьер-министра Халеда Бахаха.

Позиция экс-президента Салеха и его партии при этом изначально была относительно нейтральной. Вечером 18 января и утром 19 января состоялось экстренное заседание ЦК Всеобщего народного конгресса, на котором Али Абдалла Салех отдал распоряжение своему брату генералу Али Салеху, создателю Республиканской гвардии, не вмешиваться в конфликт между хуситами и временным правительством. Нежелание ВНК занимать ту или иную сторону в противостоянии, равно как и «перетягивать одеяло» на свою сторону, четко проявилось в случае голосования (а вернее, неголосования) по отставке Хади в Палате представителей Йемена. Интересно, что йеменский парламент не переизбирался с 2003 г. и отражал реалии более чем десятилетней давности. Неудивительно, что большинство мест в Палате представителей имеет ВНК – 238 из 301. В случае принятия парламентом отставки Хади власть в стране должна была перейти к спикеру парламента, представителю Всеобщего народного конгресса Йахье ар-Раи. Однако отличительная особенность йеменского представительного органа заключалась в том, что после «революции 21 сентября» депутаты от ВНК начали активно симпатизировать хуситам, не меняя при этом своей партийной принадлежности. В этой связи голосование как за отставку президента, так и против только усугубляло бы и без того сложную ситуацию в стране. В первом случае власть возвращалась бы, по сути, в руки Али Абдаллы Салеха, во втором – становились бы бессмысленными попытки хуситов ликвидировать остатки первого временного правительства в стране.

Лишь стремлением занять наиболее безопасное для себя положение можно объяснить тот факт, что парламентарии не смогли созвать Палату представителей для рассмотрения важнейшего вопроса об отставке президента Хади. Заседание парламента так и не состоялось по причине отсутствия кворума, что дало хуситам все основания объявить и этот государственный орган вне закона и провозгласить начало формирования второго временного правительства.

Йемен становится регионом геополитической борьбы: «Ал-Каида», ИГИЛ и саудовская интервенция

Однако революция 21 сентября 2014 г. – 6 февраля 2015 г. вызвала резкое неприятие со стороны Саудовской Аравии, других государств Залива и ряда арабских стран, что превратило внутрийеменский конфликт в региональную проблему. Ситуация усугублялась еще и тем, что в Йемене уже действовали различные радикальные группировки, вызывавшие тревогу у международного сообщества и государств Залива. В частности, «Ал-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП) возникла в 2009 г., но в первые годы деятельности этой организации она не считалась первостепенной угрозой для безопасности Йемена. Более того, нельзя исключать, что столкновения боевиков с официальными военными структурами были искусственно инспирированы и являлись отражением внутреннего конфликта между политическими силами в столице.

Подтверждением тому могут служить следующие факты, имевшие место в годы правления Салеха. Во-первых, боевики АКАП, арестованные и посаженные в тюрьму в разное время, значительно чаще других заключенных совершали побег, а сотрудники сил безопасности ни в одном из этих случаев не подвергались преследованию и не привлекались к ответственности за халатность.

Во-вторых, власти Саны использовали силы вооруженных группировок, когда это было необходимо, и по собственной инициативе замораживали деятельность боевиков, что подтверждалось свидетельствами всех партийных лидеров на протяжении 2011 – начала 2012 г. Наиболее очевидным доказательством существования диалога между властями Йемена и военизированными группировками может служить факт заключения перемирия на время проведения президентских выборов в феврале 2012 г.

В-третьих, вопреки поступающей информации о готовящихся нападениях со стороны боевиков «Ал-Каиды», службы безопасности и армейские подразделения не спешили принимать какие бы то ни было меры по противодействию потенциальной угрозе.

Наконец, значительное число членов военизированной группировки получали религиозное образование в учебных центрах, имеющих государственную аккредитацию и получающих официальную поддержку, в том числе со стороны правительственных чиновников.

Не исключено, что выступления «Ал-Каиды на Аравийском полуострове», которая борется против сотрудничества арабских стран с Соединенными Штатами Америки и выбирает в качестве своих мишеней места базирования вооруженных сил США, смогли стать удачным предлогом для получения правительством Йемена финансирования с целью борьбы с террористической активностью. Да и в целом на Ближнем Востоке вполне логичным образом активность АКАП и ее влияние среди исламистов были пропорциональны активности США в этом регионе [Bin Salam 2008].

Однако после ухода Али Абдаллы Салеха АКАП стала выходить из-под контроля властей¹⁶ и резко активизировала свою деятельность, в частности в нефтеносной провинции Мариб, с 2014 г., что в свою очередь связано как с внешними, так и с внутренними обстоятельствами. К первым можно отнести появление «Исламского государства» (ИГ). Различные радикальные группировки исламистского толка увидели в ИГ реальную силу, за которой можно следовать. Не стала исключением и «Ал-Каида на Аравийском полуострове», присягнувшая в феврале 2015 г. на верность лидеру ИГ Абу Бакру ал-Багдади. При этом весьма важную роль здесь играло усиление влияния хуситов, которые несовместимы с «Ал-Каидой» на экзистенциальном уровне.

Саудовская Аравия, наиболее всего заинтересованная в противостоянии хуситов и АКАП, пытается действовать через «Ал-Каиду» и просаудовски настроенного президента Хади. Давление саудовцев во многом заставило последнего отказаться от подписанного в январе 2015 г. отречения, де-факто перенести на какое-то время столицу в Аден, создать новое правительство и начать борьбу с «Ансар Аллах».

Саудовская Аравия также пытается консолидировать международное сообщество в оказании давления на хуситов. В частности, Эр-Рияд требует от своих арабских соседей поддержать группировку свергнутого президента Мансура Хади.

Прослеживается саудовский след и в попытках добиться реинкарнации Всеобщего национального диалога и переноса его из Йемена на саудовскую территорию. Это, в частности, обсуждалось 12 марта на саммите ССАГПЗ в Эр-Рияде. Соответственно предпо-

¹⁶ Здесь стоит отметить, что сам Салех не раз обращался к новым властям страны с предложением использовать его контакты для переговоров с АКАП.

лагалось, что все политические силы Йемена должны будут договариваться о судьбе страны в Саудовской Аравии. Тем самым Эр-Рияд пытался решить сразу две задачи: во-первых, это контроль над легитимным с международной точки зрения политическим процессом, во-вторых, исключение из диалога хуситов – они в Саудовскую Аравию попросту не поехали бы.

При этом Саудовская Аравия явно ставит целью ослабление северного Йемена, оказывая поддержку южанам. Прежде всего йеменский юг не представляет для Саудовского королевства такой опасности, как север, с которым к тому же до сих пор существует неразрешенный территориальный конфликт по поводу Наджрана. Кроме того, политический спектр сил, представленных на юге, очень разнообразен в отличие от севера, где доминируют две ключевые политические силы – «Ансар Аллах» и ВНК, установить диалог с которыми для Саудидов представляется весьма затруднительным. Наконец, как уже упоминалось, для севера Йемена всегда были характерны развитость племенных структур и слабость государственных институтов, в отличие от южан, где картина прямо противоположна [см., например: Коротаев 1995а; 1996б; 1997; Korotayev 1993; 1994]. Такого рода племенная мощь севера во многом объясняет его превосходство над югом в военном отношении.

В этой связи неудивительно, что поддерживаемый Саудовской Аравией Мансур Хади, сбежавший в Аден, пытался ослабить северные территории. Неслучайно в начале марта 2015 г. он обратился к лидерам провинций Таиз и Ибб с просьбой о признании его легитимным президентом Йемена и оказании ему военной помощи. Причина такого шага понятна: именно эти две провинции исторически были наиболее развитыми и наименее лояльными властям Саны регионами Северного Йемена. Но Хади получил отказ.

А после того как командование Аденским гарнизоном отказалось подчиняться Хади, президент, оставшийся без военной защиты, принял логичное решение – обратился за помощью к вождям своей родной южной провинции Абьян. Имеются достаточные основания предполагать, что как шейхи абьянских племен, так и АКАП будут стараться использовать предложение Хади в своих интересах. В итоге Хади и саудовские лидеры довели ситуацию в стране до полномасштабной гражданской войны, а при самом негативном варианте развития событий существует опасность и вовсе

сделать из Йемена очередной плацдарм для развития «Исламского государства».

Первый шаг к этому саудовцы сделали, нанося авиаудары по йеменской территории. Ставка при этом делалась на то, чтобы активизировать сепаратистские движения на юге, например «Ал-Хирак». Подобная тактика саудовцев отнюдь не нова: во время гражданской войны 1994 г. Эр-Рияд уже поддерживал сепаратистские движения бывшего социалистического юга с целью ослабления севера, в котором королевский двор видел для себя перманентную угрозу.

Однако уязвимость саудовцев во многом связана и с фигурой Мансура Хади, видимо, лишившегося поддержки йеменского народа. Во-первых, его предложение о переносе «Всеобщего национального диалога» за пределы Йемена (в частности, предлагались Эр-Рияд, Доха и Маскат) оттолкнуло от него северян, которые сочли этот вариант неприемлемым. Во-вторых, просьба Хади о саудовском военном вторжении лишила его поддержки и очень заметной части южан. Неслучайно 24 марта 2015 г., в день своего обращения в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, северяне практически беспрепятственно продвинулись по всей провинции Лахдж и ворвались в шестисоттысячный Аден, что явно свидетельствовало о довольно слабой опоре у Хади даже на юге страны, откуда он родом. Симпатизировавшая ранее Хади партия «Ал-Ислах» на следующий день после саудовских авиаударов подвергла критике действия северного соседа.

Военное вторжение в Йемен может обернуться против самой Саудовской Аравии, которая оказывается во враждебном окружении. На севере – «Исламское государство», которое, если сможет, нанесет удар по королевству [см.: Труевцев 2014б; Швицер, Шауль 2015]. Тем более что всерьез обсуждается наземная операция саудовских войск в Сирии. На востоке – проблема шиитского населения: как раз в самом экономически важном районе (именно там, где добывается нефть) живут шииты, многие из которых только и ждут какой-либо вспышки, чтобы бросить вызов суннитской монархии. Там же бахрейнский кризис: большинство жителей Бахрейна – шииты, во время Арабской весны они восстали против суннитской власти, которая восстановила стабильность только с помощью саудовских войск; но недовольство шиитов не исчезло. Потеря контроля над югом Аравии может сделать ситуацию непредсказуемой. Да и внутренняя обстановка в Саудовской Аравии нестабильна

и в обозримом будущем, скорее всего, будет накаляться ввиду назревающего поколенческого обновления политической элиты и обострения борьбы за власть.

Тем не менее результат войны всегда непредсказуем, и она может идти с переменным успехом. К августу 2015 г. коалиция Хади и государств Залива добилась заметных успехов: у хуситов при прямом участии эмиратского спецназа был отбит Аден, войска коалиции заняли большую часть примыкающей к Адену провинции Лахдж, вышли к Таизу, развернули контрнаступление в провинциях Мариб и Шабва.

* * *

Таким образом, на кону оказался не только вопрос о власти, политическом режиме, но и о единстве страны. В течение последних месяцев вновь отмечено усиление сепаратистских тенденций на юге Йемена, причем активность Саудовской Аравии направлена на поддержку возможности отделения юга, прежде всего Адена, от остальной части страны. Произошла активизация и действующей на территории Йемена организации «Ал-Каида на Аравийском полуострове», чья активность в последнее время отмечается прежде всего в провинциях Шабва и Ал-Бейда. При этом саудовские позиции на севере Йемена явно ослабели ввиду того, что большинство политических сил там придерживается антисаудовских позиций. «А если говорить об “Исламском государстве”, их главным выразителем здесь является ал-Каида на Аравийском полуострове, в отношениях с которой Саудовская Аравия, конечно, может идти на временные союзы, имея при этом в виду, что именно Йемен и особенно его провинции Шабва и ал-Бейда являются наиболее удобными площадками проникновения боевиков ал-Каиды на территорию королевства» [Труевцев 2014б].

Начавшееся как борьба за обновление арабских обществ протестное движение, получившее название Арабской весны, выявило силы и проблемы, которые превратили весенние надежды в хмурые осенние реалии. В каждом государстве это проявилось по-своему. Но цена революционных экспериментов везде оказалась высокой. В Йемене пока еще даже невозможно представить, насколько высокой она станет, так как ставки продолжают расти. Поистине прав был Николай Бердяев, сказавший, что «революцию не понимают ни революционеры, ни контрреволюционеры» [Бердяев 1928: 41].